

О П Р Е Д Е Л Е Н И Е

КОНСТИТУЦИОННОГО СУДА РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ

по жалобе гражданина Шефлера Юрия Викторовича на нарушение его конституционных прав пунктом 5 постановления Государственной Думы от 2 июля 2013 года № 2559-6 ГД «Об объявлении амнистии»

город Санкт-Петербург

15 января 2016 года

Конституционный Суд Российской Федерации в составе Председателя В.Д.Зорькина, судей К.В.Арановского, А.И.Бойцова, Г.А.Гаджиева, Ю.М.Данилова, Л.М.Жарковой, Г.А.Жилина, С.М.Казанцева, М.И.Клеандрова, С.Д.Князева, Л.О.Красавчиковой, С.П.Маврина, Н.В.Мельникова, Ю.Д.Рудкина, О.С.Хохряковой, В.Г.Ярославцева,

заслушав заключение судьи А.И.Бойцова, проводившего на основании статьи 41 Федерального конституционного закона «О Конституционном Суде Российской Федерации» предварительное изучение жалобы гражданина Ю.В.Шефлера,

у с т а н о в и л :

1. В своей жалобе в Конституционный Суд Российской Федерации гражданин Ю.В.Шефлер оспаривает конституционность пункта 5 постановления Государственной Думы от 2 июля 2013 года № 2559-6 ГД «Об объявлении амнистии», который предписывает прекратить находящиеся в производстве органов дознания, предварительного следствия и суда уголовные дела о совершенных до дня вступления его в силу преступлениях, предусмотренных статьями 146, 147, 159¹, 159⁴, 171, 171¹, частью первой

статьи 172, статьями 173¹, 173², 174, 174¹, 176, 177, частями первой и второй статьи 178, статьями 180, 181, 191, 192, 193, частями первой, второй и пунктом «а» части третьей статьи 194, статьями 195, 196, 197, 198, 199, 199¹ и 199² УК Российской Федерации, если лица, подозреваемые и обвиняемые в совершении указанных преступлений, выполнили обязательства по возврату имущества и (или) возмещению убытков потерпевшим.

Как следует из представленных материалов, в производстве старшего следователя Главного следственного управления Следственного комитета Российской Федерации находится уголовное дело, возбужденное в отношении Ю.В.Шефлера по признакам предусмотренного частью третьей статьи 33 и частью третьей статьи 180 УК Российской Федерации преступления, выразившегося в незаконном использовании группой лиц в 2001–2002 годах чужих товарных знаков и причинившего, как видно из постановления от 21 сентября 2011 года о привлечении Ю.В.Шефлера в качестве обвиняемого, крупный ущерб в виде упущенной выгоды признанному потерпевшим по данному делу федеральному казенному предприятию «Союзплодоимпорт» на общую сумму 1 334 093 рубля 98 копеек.

В связи с изданием постановления Государственной Думы от 2 июля 2013 года № 2559-6 ГД «Об объявлении амнистии» стороной защиты, включая Ю.В.Шефлера, давшего согласие на прекращение его уголовного преследования вследствие акта об амнистии, дважды – 26 августа 2013 года и 26 сентября 2013 года – заявлялись о том ходатайства с приложением к ним документов, подтверждающих перечисление обвиняемым в счет возмещения причиненного им ущерба на банковский счет названного предприятия денежных средств в сумме 1 334 093 рубля 98 копеек по платежному поручению от 16 августа 2013 года. Однако в удовлетворении ходатайств следователь отказал по причине отсутствия сведений о согласии потерпевшего с перечислением на его счет указанной суммы в качестве полного возмещения убытков и ввиду получения обращения потерпевшего о том, что размер его убытков превышает сумму, указанную в постановлении о

привлечении в качестве обвиняемого, исходя из чего следователь не усмотрел оснований для признания возмещенного ущерба идентичным имеющимся у потерпевшего убыткам (постановления от 4 сентября 2013 года и от 4 октября 2013 года).

27 сентября 2013 года потерпевшим заявлен гражданский иск, из которого следует, что общая сумма понесенных им убытков составляет 192 700 117 рублей 43 копейки. Как утверждается в жалобе Ю.В.Шефлера, сторона защиты была ознакомлена с исковым заявлением 2 декабря 2013 года; при этом в представленных материалах не содержится сведений о предъявлении ему каких-либо новых обвинений в причинении имущественного вреда, превышающего изначально указанный в постановлении о привлечении в качестве обвиняемого.

Считая отказ в принятии решения о прекращении уголовного преследования обвиняемого незаконным и необоснованным, адвокаты Ю.В.Шефлера обжаловали его в суд в порядке, предусмотренном статьей 125 УПК Российской Федерации, однако постановлением судьи Басманного районного суда города Москвы от 26 января 2015 года, оставленным без изменения апелляционным постановлением Московского городского суда от 30 марта 2015 года, в удовлетворении жалобы отказано, поскольку обвиняемым на момент вынесения обжалуемого постановления следователя от 4 октября 2013 года не были возмещены в полном объеме причиненные потерпевшему убытки. В передаче кассационных жалоб на указанные судебные решения для рассмотрения в судебном заседании судов кассационной инстанции также было отказано (постановления судьи Московского городского суда от 24 июня 2015 года и судьи Верховного Суда Российской Федерации от 12 августа 2015 года).

Ю.В.Шефлер утверждает, что оспариваемое нормативное положение не соответствует статьям 1, 15, 17 и 18 Конституции Российской Федерации, поскольку по смыслу, придаваемому ему правоприменительной практикой, допускает увеличение размера ущерба (убытков), вменяемого обвиняемому

по уголовному делу, после опубликования акта об амнистии и (или) инициирования им процедуры применения амнистии.

2. В Российской Федерации как демократическом правовом государстве в целях регулирования и защиты прав и свобод человека и гражданина, обеспечения законности, правопорядка и общественной безопасности законодательно устанавливаются уголовно-правовые запреты общественно опасных деяний и наказание за их нарушение (статья 1, часть 1; статья 2; статья 55, часть 3; статья 71, пункты «в», «о»; статья 76, часть 1, Конституции Российской Федерации), что предполагает определение – исходя из предписаний уголовного закона и подтвержденных доказательствами фактических обстоятельств конкретного дела – оснований для возложения на виновного уголовной ответственности либо оснований, позволяющих государству отказаться от уголовного преследования и реализации подлежащих применению или ранее примененных мер уголовно-правового воздействия. К числу таких оснований относится и амнистия, объявление которой, составляя конституционно закрепленное полномочие Государственной Думы (статья 103, пункт «ж» части 1, Конституции Российской Федерации), является по своей природе проявлением гуманизма по отношению к гражданам, преступившим уголовный закон, и влечет полное или частичное освобождение предусмотренных актом об амнистии категорий лиц от уголовной ответственности и (или) наказания.

Подчеркивая особую конституционную природу актов об амнистии, облакаемых в форму постановлений, Конституционный Суд Российской Федерации вместе с тем констатировал, что амнистия представляет собой правовой институт, единая нормативная основа которого образуется, с одной стороны, уголовно-правовыми и уголовно-процессуальными нормами, рассматривающими амнистию в качестве основания освобождения от уголовной ответственности и ее последствий, а с другой – соответствующим постановлением Государственной Думы, которое определяет предпосылки такого освобождения и без которого, следовательно, не могут применяться указанные нормы; это единый комплекс норм, юридическая сила которых

реализуется только путем их применения в совокупности (Постановление от 5 июля 2001 года № 11-П).

Таким образом, регулирование амнистии является частью обеспечиваемой в том числе уголовным законом регламентации отношений между государством, на которое возложено уголовное преследование, выступающее одной из форм реализации государством своей обязанности по признанию, соблюдению и защите прав и свобод человека и гражданина, охране других конституционно значимых ценностей в тех случаях, когда эти ценности становятся объектом преступного посягательства, и гражданами, подвергаемыми уголовной ответственности и наказанию в предусмотренных формах и пределах либо освобождаемыми от них при наличии законодательно закрепленных оснований и условий. При этом, по смыслу правовых позиций Конституционного Суда Российской Федерации, изложенных в ряде его решений, правовое регулирование и осуществление амнистии, ее материально-правовые и процедурные правила – как межотраслевого института, включающего в себя нормы конституционного, уголовного, уголовно-процессуального и уголовно-исполнительного права, – во всяком случае должны основываться на принципах правового государства и верховенства Конституции Российской Федерации, предопределяющих на основе требований справедливости и равенства необходимость баланса конституционно значимых ценностей, публичных и частных интересов, прав и законных интересов участников соответствующих правоотношений, а также запрет произвола, связанность реализующих амнистию органов государственной власти законом и ответственность государства за неправомерные, в том числе ошибочные, действия его органов и должностных лиц (постановления от 5 июля 2001 года № 11-П и от 24 апреля 2003 года № 7-П; определения от 18 января 2005 года № 11-О, от 18 сентября 2014 года № 1828-О, от 24 марта 2015 года № 704-О и др.).

Соответственно, возникающие коллизии законного интереса потерпевшего в возмещении причиненного преступлением ущерба и законного ожидания подозреваемого или обвиняемого в наступлении

положительного правового эффекта, т.е. амнистии, в случае возмещения ущерба, если таковое является обязательным условием применения акта об амнистии, во всяком случае не могут преодолеваться вне установленных Конституцией Российской Федерации и отраслевым законодательством рамок, обеспечивающих заинтересованным в исходе дела участникам уголовного судопроизводства защиту, в том числе судебную, принадлежащих им прав.

3. В уголовно-правовой сфере основанием уголовной ответственности выступает, согласно статье 8 УК Российской Федерации, совершение деяния, содержащего все признаки состава преступления, предусмотренного данным Кодексом. Öffentlich опасное последствие совершенного преступления в виде определенного в количественном (стоимостном) выражении имущественного вреда, который был им причинен или на причинение которого был направлен умысел виновного (в зависимости от конструкции его состава – материального или формального), может входить в число закрепленных диспозицией соответствующей статьи Особенной части УК Российской Федерации признаков, установление которых служит предпосылкой для правильной квалификации содеянного, в том числе по ее части, предусматривающей более строгую санкцию, либо такое последствие признается обстоятельством, отягчающим наказание (пункт «б» части первой статьи 63 данного Кодекса), не оказывая влияния на квалификацию самого деяния.

Осуществление уголовного преследования от имени государства по уголовным делам публичного и частно-публичного обвинения прокурором, а также следователем и дознавателем (часть первая статьи 21 УПК Российской Федерации) обязывает их к точному установлению причиненного преступлением ущерба, как того требует часть первая статьи 73 УПК Российской Федерации, которая прямо относит к числу подлежащих доказыванию обстоятельств наряду с событием преступления (пункт 1) характер и размер причиненного им вреда (пункт 4), обеспечивая тем самым не только правильную квалификацию содеянного и назначение

справедливого наказания, но и доказывание предмета заявленного по уголовному делу гражданского иска о возмещении причиненного преступлением вреда.

3.1. Обязанность возместить причиненный вред является, как правило, мерой гражданско-правовой ответственности, которая применяется к причинителю вреда при наличии состава правонарушения, включающего наступление вреда, противоправность поведения причинителя вреда, причинную связь между противоправным поведением причинителя вреда и наступлением вреда, а также его вину (постановления Конституционного Суда Российской Федерации от 15 июля 2009 года № 13-П и от 7 апреля 2015 года № 7-П). Применительно к отношениям по поводу возмещения имущественного вреда – как имеющим частноправовой характер – это означает, что их правовое регулирование должно обеспечиваться, главным образом, в рамках гражданского законодательства за счет присущего ему правового инструментария. Однако в силу публичного характера уголовного процесса обязательства по возврату имущества и (или) возмещению убытков потерпевшим непосредственно вытекают из факта совершения преступления, являющегося предметом разбирательства в уголовном деле, и потому неразрывно связаны с предъявленным обвинением.

Определяя способы возмещения вреда ответственным за его причинение лицом, статья 1082 ГК Российской Федерации предусматривает, что, удовлетворяя требование о возмещении вреда, суд в соответствии с обстоятельствами дела обязывает такое лицо возместить вред в натуре (предоставить вещь того же рода и качества, исправить поврежденную вещь и т.п.) или возместить причиненные убытки, прямо отсылая при этом к общей норме о возмещении убытков (пункт 2 статьи 15 данного Кодекса), согласно которой под убытками понимаются расходы, которые лицо, чье право нарушено, произвело или должно будет произвести для восстановления нарушенного права, утрата или повреждение его имущества (реальный ущерб), а также неполученные доходы, которые это лицо

получило бы при обычных условиях гражданского оборота, если бы его право не было нарушено (упущенная выгода).

Аналогичным пониманием ущерба руководствуется судебная практика и применительно к уголовному судопроизводству, следуя данному в постановлении Пленума Верховного Суда Российской Федерации от 26 апреля 2007 года № 14 «О практике рассмотрения судами уголовных дел о нарушении авторских, смежных, изобретательских и патентных прав, а также о незаконном использовании товарного знака» разъяснению о том, что при установлении размера причиненного преступлением ущерба суды должны исходить из обстоятельств каждого конкретного дела (например, из наличия и размера реального ущерба, размера упущенной выгоды, размера доходов, полученных лицом в результате нарушения им прав на результаты интеллектуальной деятельности или на средства индивидуализации), учитывая при этом положения статьи 15 ГК Российской Федерации, в соответствии с которой если лицо, нарушившее право, получило вследствие этого доходы, то лицо, право которого нарушено, вправе требовать возмещения наряду с другими убытками упущенной выгоды в размере не меньшем, чем такие доходы (пункт 24).

3.2. Отказываясь от уголовного преследования отдельных категорий лиц посредством издания акта об амнистии, государство не освобождается от необходимости гарантировать защиту прав и законных интересов лиц, пострадавших от преступных посягательств, обеспечивая всем потерпевшим в равной степени и независимо от того, было ли государством реализовано его правомочие по осуществлению уголовного преследования или же оно отказалось от этого, издав акт об амнистии, процессуальные гарантии осуществления прав на доступ к правосудию и компенсацию причиненного преступлением ущерба (статья 45, часть 2; статья 46, часть 1; статья 52 Конституции Российской Федерации) (постановление Конституционного Суда Российской Федерации от 24 апреля 2003 года № 7-П). Для достижения этих целей Государственная Дума, принимая решение об объявлении амнистии, вправе определить условия ее применения, к которым может быть

отнесена обязанность лица, совершившего преступление, возместить причиненный этим преступлением вред (определения Конституционного Суда Российской Федерации от 24 марта 2015 года № 704-О и от 16 июля 2015 года № 1608-О).

Поскольку же амнистия, как следует из части второй статьи 84 УК Российской Федерации, предполагает различные виды смягчения положения лиц в зависимости от стадии реализации уголовной ответственности, на которой она применяется, включая прекращение уголовного преследования на основании пункта 3 части первой и части второй статьи 27 УПК Российской Федерации, если обвиняемый против этого не возражает, постановлением Государственной Думы от 2 июля 2013 года № 2562-6 ГД «О порядке применения постановления Государственной Думы Федерального Собрания Российской Федерации «Об объявлении амнистии» применение акта об амнистии в отношении подозреваемых и обвиняемых, дела и материалы о преступлениях которых находятся в производстве органов дознания и органов предварительного следствия, возложено на эти органы (подпункт 2 пункта 1); решение о применении акта об амнистии принимается в отношении каждого лица индивидуально; при отсутствии необходимых сведений об этом лице рассмотрение вопроса о применении акта об амнистии откладывается до получения дополнительных документов; учреждения и органы, на которые возложено исполнение постановления об амнистии, вправе запрашивать у соответствующих учреждений документы, необходимые для принятия решения о применении акта об амнистии, и такие запросы исполняются незамедлительно (пункт 3).

Наделение следователя полномочием по прекращению уголовного преследования вследствие акта об амнистии под условием выполнения подозреваемыми и обвиняемыми в совершении соответствующих преступлений обязательств по возврату имущества и (или) возмещению убытков потерпевшим предопределяет и его обязанность в каждом таком случае проверить в рамках процедуры, гарантирующей соблюдение прав и

законных интересов участников уголовного судопроизводства, надлежащее выполнение данного условия.

Вместе с тем отсутствие у потерпевшего по делам публичного и частно-публичного обвинения права предопределять необходимость осуществления уголовного преследования в отношении того или иного лица, а также пределы возлагаемой на это лицо уголовной ответственности само по себе не может расцениваться как основание для его отстранения от решения иных вопросов по уголовному делу: потерпевшему должна быть предоставлена возможность отстаивать свою позицию по существу рассматриваемых вопросов, что предполагает его право доказывать, в том числе перед судом, отсутствие оснований для прекращения уголовного дела и незаконность применения акта об амнистии (постановления Конституционного Суда Российской Федерации от 28 октября 1996 года № 18-П, от 24 апреля 2003 года № 7-П и др.).

Таким образом, несмотря на то что получение следователем сведений, подтверждающих факт возмещения причиненного преступлением ущерба в установленном им размере, не является препятствием для реализации потерпевшим, подвергнувшим сомнению правильность произведенного расчета, права довести до следователя свою позицию относительно суммы понесенных им убытков, определение действительного размера ущерба не может ограничиваться выяснением мнения потерпевшего. Доказывание в рамках досудебного производства по уголовному делу характера и размера вреда как последствия совершенного преступления составляет прерогативу следователя, который уполномочен при осуществлении уголовного преследования – как носитель публичной по своей природе функции – самостоятельно направлять ход расследования, принимать решение о производстве следственных и иных процессуальных действий (пункт 3 части второй статьи 38 УПК Российской Федерации), а потому не должен быть ограничен в независимом установлении и профессиональной оценке на основе имеющихся в уголовном деле доказательств тех или иных фактических обстоятельств, свидетельствующих об обоснованности либо,

напротив, необоснованности притязаний потерпевшего, а значит, и о наличии или отсутствии оснований для прекращения производства по делу в связи с применением акта об амнистии, когда она ставится в зависимость от возмещения убытков потерпевшему. В противном случае, вопреки конституционному предписанию, исключаящему обязанность обвиняемого доказывать свою невиновность (статья 49, часть 2, Конституции Российской Федерации), а также в противоречие с требованием закона, возлагающего бремя доказывания обвинения на сторону обвинения (часть вторая статьи 14 УПК Российской Федерации), опровержение доводов потерпевшего о превышении его убытками величины, установленной органами предварительного расследования, ложилось бы на привлекаемое к уголовной ответственности лицо – притом что ни оспариваемое нормативное положение, ни корреспондирующие ему нормы уголовного и уголовно-процессуального законов, в системной связи с которыми оно действует, не связывают применение амнистии с необходимостью получения согласия потерпевшего на возмещение его убытков в размере, определенном лишь им самим, не ставя, таким образом, возможность прекращения уголовного преследования в исключительную зависимость от такого согласия.

3.3. В случае если в распоряжении органа предварительного расследования появляются данные о том, что действительный размер причиненного преступлением ущерба, который является признаком объективной стороны состава преступления, превышает положенный в основу обвинения, то – по смыслу взаимосвязанных положений пункта 4 части первой статьи 73, статей 171, 172 и 175 УПК Российской Федерации – он не лишен возможности и обязан принять меры к их проверке, установлению подлинного размера ущерба, изменению предъявленного обвинения на основе вновь собранных доказательств, официальному закреплению новой оценки размера ущерба в соответствующих процессуальных документах и предъявлению их обвиняемому.

Соответственно, решая вопрос о возможности применения акта об амнистии к лицу, имеющему официально подтвержденный статус

подозреваемого, обвиняемого, публичный орган уголовного преследования должен исходить из суммы причиненного преступлением ущерба, установленной им и включенной в официальное обвинение, которое, имея под собой доказательственную базу в отношении конкретного деяния, делает амнистию, обусловленную возмещением убытков, юридически оправданной.

Стороны же, не согласные с оценкой указанным органом степени возмещения ущерба, вправе оспорить принятое им решение, которое должно быть законным, обоснованным и мотивированным (часть четвертая статьи 7 УПК Российской Федерации), в судебном порядке, предусмотренном для обжалования решений таких органов, правомочных применять акт об амнистии, как органы предварительного расследования (статья 125, главы 45¹, 47¹ и 48¹ УПК Российской Федерации). Тем самым лицам, заинтересованным в исходе дела, обеспечивается судебная защита их прав и законных интересов в рамках уголовного судопроизводства.

3.4. Потерпевшему по уголовному делу, прекращенному в силу амнистии до постановления обвинительного приговора, должны быть обеспечены – с учетом универсальных принципов справедливости и равенства, а также гарантированных Конституцией Российской Федерации прав на доступ к правосудию и компенсацию причиненного преступлением ущерба (статьи 17, 19, 46 и 52) – эффективные механизмы восстановления нарушенных прав в той же степени, в какой они предоставляются потерпевшим по делам, по которым акт об амнистии применяется после вынесения приговора или не подлежит применению.

Как указал Конституционный Суд Российской Федерации, право на защиту в гражданском судопроизводстве прав и законных интересов лиц, пострадавших в результате преступления, во всяком случае сохраняется при прекращении производства по уголовному делу в связи с применением акта об амнистии (Постановление от 24 апреля 2003 года № 7-П). Такой вывод подтверждается и позицией Европейского Суда по правам человека, который исходит из того, что осуждение обвиняемого не является одним из условий, необходимых для рассмотрения гражданского иска о возмещении вреда,

вытекающего из общих с уголовным делом обстоятельств, и, следовательно, не исключает его гражданско-правовой ответственности, основанной на тех же фактах (постановление от 11 февраля 2003 года по делу «Рингвольд (*Ringvold*) против Норвегии»). Соответственно, в случае возникновения законных оснований для взыскания с подозреваемого, обвиняемого по уголовному делу иных, не установленных органом предварительного расследования убытков потерпевший даже в случае прекращения уголовного преследования вследствие применения акта об амнистии на стадии досудебного производства по делу не лишен права обратиться с иском о возмещении причиненного ему вреда, включая упущенную выгоду (если таковая имеется), в порядке гражданского судопроизводства.

Поскольку же упущенная выгода представляет собой – по смыслу статьи 15 ГК Российской Федерации – неполученный доход, на который увеличилась бы имущественная масса лица, чье право нарушено, если бы нарушения не было, Пленум Верховного Суда Российской Федерации разъяснил в постановлении от 23 июня 2015 года № 25 «О применении судами некоторых положений раздела I части первой Гражданского кодекса Российской Федерации», что при разрешении споров, связанных с возмещением упущенной выгоды, следует принимать во внимание, что ее расчет, предоставленный истцом, как правило, является приблизительным и носит вероятностный характер; это обстоятельство само по себе не может служить основанием для отказа в иске; если лицо, нарушившее право, получило вследствие этого доходы, лицо, право которого нарушено, вправе требовать возмещения наряду с другими убытками упущенной выгоды в размере не меньшем, чем такие доходы (пункт 14). Тем самым возмещение убытков в рамках гражданского судопроизводства предполагает возможность уточнения судом их размера, на что указывал и Конституционный Суд Российской Федерации, отмечая, что суд, рассматривающий соответствующее гражданское дело, не может быть связан решением о прекращении производства, принятым органом предварительного расследования в части определения размера причиненного преступлением

ущерба, и должен основывать свое решение на собственном исследовании обстоятельств дела; судебная же оценка в гражданском деле материально-правовых оснований возмещения такого ущерба не может ограничиваться ссылкой на выводы осуществлявших уголовное преследование органов, изложенные в постановлении о прекращении уголовного дела вследствие амнистии, в случае несогласия с ними потерпевшего (Определение от 18 января 2005 года № 11-О).

4. Таким образом, пункт 5 постановления Государственной Думы от 2 июля 2013 года № 2559-6 ГД «Об объявлении амнистии» – как по его буквальному смыслу, так и в системном единстве с базовыми для него положениями уголовного и уголовно-процессуального законов, образующими с ним единую нормативно-правовую основу института амнистии, – не содержит неопределенности, не предполагает, вопреки доводам жалобы, возможность произвольного увеличения объема подлежащих возмещению убытков потерпевшего и, следовательно, не может расцениваться как нарушающий конституционные права заявителя в обозначенном им аспекте.

Оценка же фактических обстоятельств конкретного дела Ю.В.Шефлера, проверка законности и обоснованности состоявшихся в нем правоприменительных решений, установление действительного объема его обязательств по возврату имущества и (или) возмещению убытков, к чему, по сути, сводятся доводы его жалобы, к компетенции Конституционного Суда Российской Федерации, закрепленной в статье 125 Конституции Российской Федерации и статье 3 Федерального конституционного закона «О Конституционном Суде Российской Федерации», не относятся.

Исходя из изложенного и руководствуясь пунктом 2 статьи 43 и частью первой статьи 79 Федерального конституционного закона «О Конституционном Суде Российской Федерации», Конституционный Суд Российской Федерации

о п р е д е л и л :

1. Признать жалобу гражданина Шефлера Юрия Викторовича не подлежащей дальнейшему рассмотрению в заседании Конституционного Суда Российской Федерации, поскольку для разрешения поставленного заявителем вопроса не требуется вынесение предусмотренного статьей 71 Федерального конституционного закона «О Конституционном Суде Российской Федерации» итогового решения в виде постановления.

2. Определение Конституционного Суда Российской Федерации по данной жалобе окончательно и обжалованию не подлежит.

3. Настоящее Определение подлежит опубликованию на «Официальном интернет-портале правовой информации» (www.pravo.gov.ru) и в «Вестнике Конституционного Суда Российской Федерации».

Председатель
Конституционного Суда
Российской Федерации

В.Д.Зорькин

№ 4-О